

Хороший полицейский, плохой полицейский

"Зевать в присутствии других людей – признак плохого тона. Если неожиданно самурай почувствует желание зевнуть, он должен облизать губы, не открывая рта, и желание пройдет."
Хагакуре

Я сказал Нонака сэнсэй, что подружился с некоторыми из японских полицейских. "Я думаю, что дружить с японским мужчиной трудно," сказала она. "Он всегда будет хотеть продемонстрировать иностранцу свою лучшую сторону."

Полицейские жили в шо-додзё, маленькой комнате рядом с основным додзё. Я зашел взять сигарет у Шерлока, я все время пытался бросить, поэтому половину времени был без сигарет. Я открыл дверь и меня практически снесло клубами дыма. Все полицейские лежали в спальнях мешках. Семь или восемь из них курили. У них был телевизор и видеоплеер и я заметил кипу порно-видео, хотя в тот момент они ничего не смотрели.

"Вы, парни, живете весьма недурно," сказал я Шерлоку. Он широко улыбнулся, показав его испорченные и разъеденные зубы, у него были самые худшие зубы полицейской группы.

"Успокойся," сказал он. "Здесь нет ни одного учителя! Держи свою пачку." Он дал мне новую пачку Милд Сэвен, сигарет предпочитаемых служащими, из разорванного блока. Два или три полицейских, как и Сакума, крепко спали. Сато читал книгу.

"Погоди немного," сказал Шерлок. Он представил меня Маэда-сан, "горилле", который был комедиантом группы, и кто в главном образе интересовался всем, что связано с борьбой.

"Ты знаешь Тони Сэнт Клэра?" спросил он.

"Боюсь, нет."

"Галли Линекера?" спросил Сэйто, другой полицейский.

"Да," ответил я, "джентельмен из футбола."

"Но ты настоящий английский джентельмен," сказал Шерлок, демонстрируя свои ужасные зубы снова. "Ты всегда ешь японскую лапшу без шума!"

В додзё Шерлок стал моим новым "приятелем". Перед тренировкой мы перебрасывались парой дружеских слов, обсуждали наши последние травмы. Если я забывал об этом ритуале, Шерлок подкрадывался сзади после тренировки и щипал меня за зад. Я видел как мальчишки в младших классах средней школы таким образом показывали свое дружеское отношение. Но все же трудно было это вписать в поведение мужественного гражданского полицейского. Я как-то не представлял их щипающими друг друга за зады в тренировочном центре штаб-квартиры спецподразделения.

Среди иностранных сенсусей симпатия и выражение дружелюбия обозначались твердым ударом в живот. В чайной комнате люди делали друг на друге болевые контроли и удержания и буянили, если только Роберт Мастард не был там же, тогда настрой менялся на уважительный и даже подобострастный.

Чайная комната заключала в себе два автомата с напитками, ряд полок для нашей обуви и именные места на других полках для нашей еды. Комната была серой с постерами лучших японских учителей, выполняющих сложные броски из айкидо. Часто люди подходили к постеру, указывали на жертву броска, черты которого как правило были плохо различимы и спрашивали "Кто это?". Тогда все в комнате на момент отвлекались от скучной каждодневной болтовни, поворачивались и орали ответ. Или в другой версии игры, кто-нибудь подходил к постеру и говорил "Это... Такено?" или "Это... Мори-сенсей?". Даже я иногда ненамеренно вытворял нечто подобное; каким-то образом постеры вынуждали.

Дважды в неделю в 7.15 утра чайная комната превращалась в класс. Миссис Хасагава, жена бывшего министра иностранных дел, ожидала у додзё, когда ее встретит "человек шинкоку", ответственный за группу в течение недели. Он стоял снаружи на оживленной улице в белой пижаме, смущенный из-за белого

пояса, обутый в сандалии, в то время как какой-нибудь офисный клерк проходил мимо него на работу, и переживал тяжелые минуты, если Миссис Хасегава не появлялась как обычно на три минуты раньше.

Встречающий кланялся ей. Она хихикая, кланялась в ответ. По пути в лифт и вверх в додзё велся высокопарный японский диалог. Сопровождение Миссис Хасегава было единственным поводом для сенсусей проехаться в лифте. Это было единственным плюсом такой работы.

Миссис Хасегава была нашей учительницей по японскому языку, хотя, боюсь, сенсусей не были лучшими из учеников. Наш японский варьировался от свободного (Уилл и Адам) до спотыкающе-несведущего (Дэнни и Бешеный Пес). Я был где-то посередине, так как брал уроки в течение полугода после своего первого прибытия в Японию. Но все уже знали то, что должны были знать на японском: японский язык айкидо, лающие приказы и команды были поняты на собственной шкуре: пойми или получи наказание. Миссис Хасегава никогда никого не наказывала, для этого она была слишком приятной дамой. К сожалению, это означало, что никто не принимал ее уроков всерьез.

Дважды в неделю она приходила к нам и дважды в неделю мы старательно перелачивали огромные списки глаголов и существительных. Я даже выучил у госпожи Хасегава правильное написание японского иероглифа обозначающего дикого борова. Ага был самым наглым ее учеником, относясь к госпоже Хасегава так, будто она не представляла никакой ценности как преподаватель. Это представляло странный контраст чуткому раболепию, которое он проявлял к преподавателям айкидо. Дэнни был худшим учеником, всегда срывающимся на раздраженный английский, "я лишь не знаю ответ, хорошо".

Как только миссис Хасегава препровождалась наружу, чайная комната использовалась по назначению для быстрого завтрака перед тем, как начиналось выполнение обязанностей по уборке. В отличие от непринужденной спальной обстановки в полицейском малом додзё, здесь всегда была атмосфера иступленного напряжения в чайной комнате. Бэн однажды приклонил голову и Мастерд сказал ему, что если тот хочет спать, то должен бросить курс. Пол запретил нам слушать плеер. "Это хорошая тренировка, - сказал он, - Все время, что вы находитесь в додзё, вы в состоянии боевой готовности, можете действовать."

Когда атмосфера в чайной комнате становилась слишком тягостной, я запирался в туалетной кабинке и засыпал минут на пятнадцать между занятиями. Это напоминало мне одну из младших школ, в которой я учился, где я прятался в туалете в свободное время, чтобы избежать позора не быть отобранным для игры в футбол.

Одним человеком, с которым мне не хотелось проводить время, был Мастерд. Даже само его присутствие рядом нервировало меня и вводило в состояние ожидания упреков и жесткой критики. "Если вы не можете этого вынести, идите домой" - это высказывание ненавидели все из-за намека на то, что мы все были слабыми звеньями. После одной серьезной ругани Мастерда, когда он сказал иностранным сенсусей, что мы теряем время и с таким же успехом могли бы попрощаться с курсом, Бешеный Пес захлебнулся эмоциями, настолько он не мог терпеть иметь противоположное учительскому мнению.

Иногда я замечал, что Мастерда утомляло быть кумиром. Периодически он с тоской хотел быть одним из парней. Он пытался безуспешно быть компанейским парнем, но никто не мог забыть о его ранге и факте, что он хотел уважения не меньше, чем дружбы. Не думаю, что он был готов к начальственному одиночеству. Кикучи, наиболее легкий из всех учи-деши, сказал мне, что Канчо-сенсей имел всего четырех близких друзей, которые ходили с ним выпить почти каждый вечер. Никто из них не занимался айкидо. Вероятно, они даже не осуждали его.

Возможно для подражания Мастерду, Бешеный Пес снова начал курить, как собственно и Адам. Бешеный Пес не курил пять лет. Он бросил, поехав в дичайшее десятидневное путешествие на каноэ, взяв в компанию только собаку. "Иногда мне так хотелось закурить, что я скручивал листья и курил лишайник", - сказал он. Бешеный Пес страшился своей жены: "Если она узнает, что я взялся за старое, то точно подаст на развод".

Мне нравился Бешеный Пес с его маленькими нотациями. Когда бы не накладывали мы лед на травмированное место, он повторял как попугай (о том, сколько минут нужно держать лед): "На двадцать наложить, на двадцать убрать, иначе не сработает".

Пугающие слухи появлялись в чайной комнате из ниоткуда. В какой-то момент все были уверены, что человек, доставляющий сок для пополнения автомата был сам великий Такено.

"Посмотрите на постер, если не верите мне", - говорил Маленький Ник.

Когда Мастерд услышал это, он грубо заржал. "Когда Такено придет в это додзё, ни у кого из вас, идиотов, не будет ни малейшего сомнения. Он создал вокруг себя пространство, вызывающее чистый ужас. Вы, ребята, наложите в штаны."

Патрик устроил омаи, знакомство-сватовство. Мы должны были пойти посмотреть съемку телевизионной викторины, на которой жена Патрика была одним из участников. Одна из подруг его жены, Марико, пришла также. Она выразила неподдельный интерес к встрече с западным мужчиной. Я был этим мужчиной. Патрик и я спешили, минуя Императорский Дворец на нашем пути, на телестанцию, где должны были встретить его жену и Марико.

"И как она тебе?" спросил я.

"Очень хороша," сказал Патрик, смотря на свои часы и спеша вперед. Мы опаздывали на полчаса.

"Как она тебе в действительности?"

"Я же сказал тебе, очень, очень хороша!"

"Нет, ну давай, что она действительно хороша?"

"Хорошо. Реально она старая собака. Есть еще вопросы?"

Жена Патрика, которую звали Норико, выглядела поразительно и очаровательно сидя рядом с другими участниками. Игру вела одна из знаменитостей, "торэнто" как говорят японцы, что является прямой и несоответствующей трансляцией английского слова "талант" (talent). Формат викторины был прост - ответы на вопросы за деньги. Я сидел рядом с Марико, которая в свою очередь сидела рядом с Патриком. Марико была очень внимательна и задавала мне много вопросов. Она хорошо выглядела. Ее лицо выглядело очень чистым. Она была одного возраста с Норико, которая говорила что ей двадцать два.

Однажды тарэнто заметил нас с Патриком, как единственных иностранцев в аудитории. Чтобы глупо пошутить для развлечения он начал говорить на плохом, школьного уровня, английском. Когда он узнал, что Норико была женой Патрика, он попросил чтобы она сказала что-нибудь на английском. Она покраснела и спросила "Почему вы так опоздали?" Камеры сфокусировались на Патрике. Последовала длинная пауза, как будто Патрик выдумывал особенно остроумный ответ, но, в конце концов, его ответом был: "Sorry, Nori" (Прости, Нори). Но аудитория решила, что рифма была намеренной и столь первоклассной, что реакцией стал безумный смех, считая этот семейный спор похожим на кульминацию веселой шутки.

Но шутка вызвала удивление у других участников. Все они были подлинными участниками, пройдя прослушивание перед тем как присоединиться к шоу. Норико была здесь лишь потому, что была знакома с женой директора. Они нуждались в симпатичном лице, чтобы сколько-нибудь разбавить участников в очках, выглядящих посвященными. В то утро директор позвонил ей и задал некоторые вопросы "просто для практики". Эти вопросы оказались реальными вопросами викторины и, поскольку он исправлял неверные ответы Норико по телефону, она ответила на большинство из них правильно. Он также сказал ей один "неправильный" ответ, который она позже покорно повторила в эфир. Аудитория взревела со смехом, поскольку это было нарочито неверно. Норико выглядела сбитой с толку, ее общие познания никогда не были сильны в лучшие времена.

Норико была второй после студента аспиранта, реального кладезя знаний, который одержал победу несмотря на препятствия этому реальных участников. Приз Норико составил 750 долларов. Она и Патрик великодушно согласились взять нас с Марико с собой. Мы пошли в ресторан, где среди прочих блюд подавали жаренных воробьев. Я съел семь или восемь воробьев, которые были по вкусу словно обугленные останки костистого цыпленка.

После ужина мы отправились в караоке бар. Я допустил серьезную ошибку взявшись петь песню "Bridge over Troubled Water". Там было слабое сопровождение пианино и мой голос дрожал и звучал жалко, будучи ужасно нагим без обычного массивного музыкального сопровождения, что не могло не вызвать насмешек. Я сказал Патрику, Марико и Норико до свидания, чувствуя, что вечер прошел вполне приятно. Несколько дней спустя я позвонил Патрику и спросил его, каково было мнение обо мне.

"У тебя есть шанс," сказал Патрик.

"Что ты имеешь в виду?"

"Ты ей определенно нравишься..."

"Да?"

"Но она не относится к айкидо серьезно, она обеспокоена тем, получишь ли ты в последствии надлежащую работу или нет."

"Подожди ка, мы же не говорим здесь о браке, не так ли?!"

"Ты никогда не знаешь этого."

"Я знаю точно. Я определенно не говорю о браке на данном этапе."

"Ты никогда не можешь полностью исключить эту возможность..."

"Могу."

"Хорошо. И что мне передать?"

"Я не возражаю против другой встречи, но брак вне рассмотрения."

Патрик позже сообщил, что не последовало никакого ответа на мои слова.

Из-за отъезда Мастарда в Канаду, Пол безжалостно вел нас к первому тесту. Это должна была быть проверка знания базовых техник, как шихонаге и других фундаментальных движений. Мне вдруг пришла в голову идея, что я могу завалить. Это было маловероятно на таком первом, простейшем тесте, но все же возможность не исключалась.

Пол тренировал жестко, но в отличие от Мастарда без всяких психологических игр. Его оскорбления были прямыми и спланированными таким образом, чтобы их можно было принимать в лицо. Когда он хотел быть грубым, он сравнивал нас с полицейскими или обычными студентами.

Каждое утро, перед тем как наступала очередь японского учителя, Пол просто заваливал нас техниками. День за днем заведенный порядок практически не менялся. Но на одном занятии, что-то сдвинулось.

- Продолжайте работать, - заорал Пол, - сила начинает проявляться.

Это был групповой прорыв, мгновенный и абсолютно явный. Я почувствовал что-то, о чем мог только рассуждать до этого: командная сила, которая представляла собой нечто большее, чем просто чувство принадлежности, это было осознание коллективных усилий, которые вытягивают тебя на уровень, недостижимый индивидуально. Мы могли стать значительно лучше, чем полицейские, которые все еще отставали от нас на месяц, и Пол был убежден, что мы покажем себя гораздо лучше.

Все это время Дэнни наблюдал. Через две недели его палец все еще сильно болел, но опухоль уменьшилась. Он пытался выторговать еще неделю отдыха, но к концу недели начал тренироваться с полузажившим переломом пальца ноги.

- Всё еще болит, - сказал он, - но что тут поделаешь? Вы, ребята, меня опережаете.

Тест предполагал выполнение с партнером отдельно от всех пяти базовых техник из списка пятнадцати (или около того) выученных к тому времени. Японские учителя наблюдали и отмечали наши ошибки в блокнотах.

Во время теста я наблюдал со зрительских мест, как Дэнни с трудом выполняет базовые движения, требовавшие поворота на больной стопе. Его лицо было оскалено из-за концентрации или боли. Я знал даже тогда, что он не завалит тест, вне зависимости от количества ошибок. Он уже показывал наиболее важную вещь, что Сато называл "Дух, который подчиняет воображаемых демонов".

Для всех кроме Дэнни это был легкий тест. После выполнения техник, нас собрал Чидэ и сказал, что все полицейские и сеншусей сдали.

Некоторые из обычных студентов спросили нас, что произошло с Дэнни. Уилл стал грубым, как только они заговорили о собственных травмах.

- Я недавно смотрел на себя в зеркало, - сказал он мне, - и выработал такой же холодный взгляд, как у прошлогодних сеншусей. Когда обычные люди говорят о травмах и боли, я просто смотрю на них таким взглядом, взглядом сеншусей, который означает "Не говори со мной о боли, парень, ты даже не представляешь где начинается боль".

Мистер Вада сказал мне, что он наконец нашел себе подругу. Я предложил ему сигарету Лаки Страйк и он взял ради эксперимента.

"Как вы думаете, сколько мне лет?" спросил он.

"О, трудно сказать," ответил я. Но в действительности я не хотел говорить, дабы сохранить тонко продуманный ритуал нашей беседы, я не хотел высказывать

свое мнение, чтобы не оскорбить его. На самом деле ли он был молод и хотел казаться старше, или он фактически был старше и отчаянно хотел выглядеть моложе? Я мог предположить, что ему было лет двадцать восемь, но учитывая обе возможности я спросил: "Около тридцати?"

"Мне тридцать четыре года," сказал он серьезно.

"Вы не выглядите на столько," сказал я. "Вы выглядите очень молодо." Он был весьма доволен моим ответом.

"И теперь когда вы носите контактные линзы, вы выглядите еще моложе."

Необъяснимым образом мистер Вада начал носить контактные линзы. Я понял теперь, что это было частью его плана, чтобы заполучить подругу.

"Иногда у меня слезятся глаза," сказал он по поводу линз.

"Где работает ваша подруга?" спросил я.

"В офисе," ответил он.

"Она офисная леди?"

"Да," ответил он сомнительно.

"Сколько ей лет?"

"Двадцать пять."

Возможно он был настроен поговорить о девушках вообще, а не о определенной, его подруге.

"Хорошо, что у вас появилась подруга наконец," сказал я.

"Моя подруга не всегда соглашается со мной," сказал он.

"Так."

"Но потому как я люблю ее, я должен пробовать понять ее точку зрения."

"Хорошая идея."

"Таким образом меняется моё мышление."

"Как?" спросил я.

Он начал говорить, но затем лишь качал головой.

"Это странно для меня," сказал он.

Неожиданно нас охватил всплеск шума, когда группа девочек прошла в угол коридора смеясь и размахивая зубными щетками. После каждого урока девочки проводили время за чисткой зубов, как будто лихорадочно пытались полностью изменить плохую репутацию японской стоматологии. Группа разделилась на две части и проследовала мимо нас, соединившись воедино с другой стороны. Девочки не были нашими ученицами и игнорировали нас, проходя мимо. По некоторым причинам мы оба с мистером Вада были разделены проходившей группой девочек. Вместе мы наблюдали за их безобидной энергией и живостью, с которыми они неслись вперед к большому стальному умывальнику, чтобы почистить зубы.